

**В.В. Хилюта, заместитель начальника
отдела ЕГР управления юстиции
Гродненского облисполкома, канди-
дат юридических наук**

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗБОЯ КАК УСЕЧЕННОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматриваются аспекты, связанные с проблемами квалификации разбоя как усеченного состава преступления. Анализируются примеры из судебной-следственной практики, результатом чего является вывод о несоответствии состава разбоя общему определению понятия хищения. В обоснование занимаемой позиции (конструирование разбоя по типу материального состава преступления) проводится краткий анализ дореволюционного и зарубежного законодательства. Делается заключение, что идея признания разбоя усеченным составом преступления – плод советского законодателя, который, конструируя состав разбоя, всегда делал упор на цель хищения имущества, то есть не на преступный результат, и даже не на процесс, а на намерение. В настоящее же время законодательное описание состава разбоя не должно иметь принципиальных отличий от характеристики других форм хищения.

Насильственное завладение чужим имуществом как преступление давно известно правоведению. Однако сегодня, в условиях социальных, экономических, политических и иных реформ, корыстно-

насильственная преступность приобретает все более негативные количественные и качественные характеристики, организованные формы, элементы криминального профессионализма. Например, с 1990 по 2000 г. количество совершаемых разбойных нападений в Российской Федерации возросло на 115 % (с 18 до 39 тыс.), а в Республике Беларусь за аналогичный период – на 300 % (с 609 в 1990 г. до 1821 в 2000 г.) [15, с. 1; 16, с. 1–2]. В юридической литературе уже давно замечено, что общественная опасность разбоя определяется характером непосредственных объектов посягательства, которыми являются собственность и здоровье потерпевшего, а также двойной мотивацией преступления – корыстной и насильственной [14, с. 102–103; 13, с. 126–127; 2, с. 60–61; 20, с. 66–67].

Сегодня разбой относится к составным преступлениям и законодатель, как и ранее, определил этот состав преступления методом усеченного состава, то есть путем переноса момента окончания преступных последствий на стадию покушения на преступление.

Однако корыстно-насильственным посягательством разбой является постольку, поскольку совершающее его лицо ставит своей целью завладение имуществом потерпевшего и в качестве средства достижения этой цели применяет насилие, опасное для жизни или здоровья, либо угрожает применением такого насилия. В этом случае в психологической модели поведения преступника доминирует желание завладеть чужим имуществом и этот корыстный мотив определяет выбор средства достижения преступной цели [1, с. 12; 21, с. 36].

В то же время, если мы разбой признаем формой хищения, то, следуя доктрине уголовного права, всякое хищение предполагает нарушение чужого имущественного права и получение виновным имущества вследствие противоправных действий. То есть разбой, как и грабеж, должен признаваться оконченным «...с момента утраты владения имуществом потерпевшим и перехода этого имущества во владение виновного» [23, с. 74]. Более того, если мы говорим о разбое как форме хищения, то определяющими показателями этого преступления являются два фактора: 1) похищение чужого имущества; 2) применение при этом насилия [8, с. 35]. Тем не менее нередко в уголовно-правовой литературе характеристика разбоя как усеченного состава преступления обосновывается желанием законодателя усилить уголовно-правовую охрану отношений собственности и личности, то есть защиты потерпевшего [19, с. 20]. Как полагают в этой связи некоторые криминалисты [18, с. 145], повышенная общественная опасность разбоя связана не только со способом его совершения, но и с тем, что рассматриваемое деяние посягает одновременно на несколько непосредственных объектов, а это уже повод перенести момент окончания разбоя на раннюю стадию независимо от того, завладел ли виновное лицо имуществом потерпевшего. Приведем пример: Е. в позднее время совершил нападение на С. с целью завладения его кейсом. Суд признал данное деяние опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Однако в результате завязавшейся драки Е. не удалось изъять имущество С., в результате чего он попытался скрыться, но был задержан патрульно-постовой службой. Как видно из указанного примера, к С. действительно было применено насилие, опасное для его жизни и здоровья, однако Е. не удалось завладеть имуществом С., но по смыслу закона такого рода действия подлежат расцениваться как оконченный разбой.

Таким образом, разбой можно рассматривать как своеобразный процесс, началом которого является момент создания реальной опасности применения насилия, а завершением – полное завладение имуществом с получением возможности распоряжаться им по своему усмотрению [3, с. 112]. Иначе говоря, до того момента, пока преступник не завладел имуществом, его действия продолжают, по сути, оставаться незаконными, реально таящими в себе опасность насилия. И хотя разбой рассматривается оконченным составом преступления уже в момент применения насилия (физического или психического) к потерпевшему, фактически он длится до того, пока преступник не завладеет имуществом, то есть приобретет полное господство над похищенным.

В то же время приведенный пример не является типичным, абсолютное большинство разбоев являются для виновных результативными: они изымают чужое имущество и обращают его в свою пользу или пользу третьих лиц [10, с. 34]. В таком случае можно ли на одну чашу весов ставить факт применения насилия к лицу и как следствие этого – завладение его имуществом и применение насилия (например, нападение) без потери имущества для потерпевшего?

В настоящее время такого рода деяния (разные по содержанию) – уравниваются [11, с. 430–438] и имеющиеся отличия в части стадий совершения преступлений на квалификации не сказываются. Вряд ли в данном случае можно говорить о справедливости уголовного закона. Законодательная конструкция разбоя как усеченного состава практически исключает существование ответственности за покушение на это преступление, что делает невозможным обоснование возможности добровольного отказа от совершения противоправного деяния.

Так, П., Щ., Ю. подкараулили поздно вечером возвращавшегося домой Л. и окружив его потребовали передать под угрозой применения тяжкого насилия находящуюся на Л. золотую цепочку. Од-

нако Л. сказал П., Щ. и Ю., что если они заберут у него цепочку, то он в свою очередь сообщит об этом своему брату, который является «смотрящим» района, и им не поздоровится. Узнав о данном факте, П., Щ. и Ю. не стали прибегать к насилию, связанному с завладением имуществом Л., и ретировались с места событий. С позиции сегодняшнего дня П., Щ. и Ю. необходимо признавать виновными в совершении разбоя, ибо Л. была предъявлена угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с целью непосредственного завладения имуществом, а в такой ситуации разбой надлежит расценивать как оконченный состав преступления.

Резюмируя вышеизложенное, можно выдвинуть первую посылку, суть которой видится в том, что при решении вопроса о моменте окончания разбоя первостепенное значение должно придаваться не факту применения физического или психического вреда личности, а факту завладения имуществом и появлением в этой связи реальной возможности пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом.

Весьма интересны в этой связи следующие примеры.

Одним из районных судов за разбой был осужден Т. Под угрозой пистолета он остановил Е. и потребовал снять обувь. Убедившись, что туфли очень поношены, Т., обращаясь к находившейся с ним женщине, сказал: «Тебе эти туфли не пойдут». Нанеся Е. удар по лицу, он приказал ей бежать домой и не оглядываться. В процессе расследования было установлено, что Т., встретившись со своей сожительницей Б., решил сделать ей подарок – преподнести хорошие туфли и именно из этих побуждений совершил разбойное нападение с применением оружия [2, с. 128].

В иной ситуации М. и К., полагая, что С. каждый день ходит на работу и с работы с чемоданчиком-Notebook, подкараулив его, нанесли несколько ударов, и, угрожая ножами, потребовали передать им чемодан. Однако на месте они выяснили, что это простой кейс, после чего М. и К. швырнули кейс обратно С. и удалились.

Безусловно, при действующей диспозиции Уголовного кодекса в двух вышеприведенных случаях речь идет об оконченном составе разбоя. С другой стороны, реальный имущественный ущерб ни Е., ни С. причинен не был, своего имущества они не лишились. И если уж исходить из того, что при совершении хищения предполагается уменьшение имущественной массы со стороны потерпевшего и ее обретение виновным, то в этой связи при условии, что разбой (как и остальные формы хищения) будет признан материальным составом, говорить об оконченном хищении-разбое будет неуместно. Полагаем также, что в данном случае будет нелишним в сравнительно-правовом аспекте ознакомиться с регламентацией уголовной ответственности за разбойные нападения в зарубежном праве.

Например, в германском уголовном праве в соответствии с § 249 УК разбой считается оконченным преступлением, когда лицо устанавливает беспрепятственное господство над изъятым предметом [7, с. 439]. Такой же подход сохранен и в § 280 УК Республики Польша, где ответственность за насильственный грабеж или разбой наступает для тех, кто совершает хищение, применяя при этом насилие или угрожает его немедленным применением. В соответствии с ч. 1 ст. 211 УК Румынии, разбой – это кража, совершенная посредством применения насилия либо угроз или путем приведения потерпевшего в бессознательное или беспомощное состояние. Во французском уголовном праве похищение (которое в нашем понимании объемлет кражу, грабеж, разбой [9, с. 72]) с применением насилия также признается оконченным с момента изъятия вещи.

В английском и американском уголовном праве понятие насильственного разбоя в основном схожи, и если в США ограбление рассматривается как незаконное завладение имуществом путем устрашения, использования силы или угрозы ее применения [22, с. 55], то в Великобритании лицо виновно в ограблении, если оно совершает кражу и непосредственно перед этим или во время этого с указанной целью применяет силу к какому-либо лицу либо запугивает его или пытается запугать лицо тем, что к нему будет немедленно применена сила. Однако в обеих странах ограбление считается оконченным с момента завладения имуществом. В случае, когда обвиняемый использует силу для совершения кражи, но не достигает своей цели, такого рода дела рассматриваются как нападение с намерением ограбить.

Более того, вышеназванные страны не являются неким исключением из общего правила, скорее наоборот, разбой неотделим от похищения и в целом является оконченным составом преступления с момента завладения имуществом (вещью) потерпевшего. Это же провозглашают уголовные кодексы Аргентины (ст. 164 УК), Японии (ст. 236 УК), Австрии (§ 142 УК), Испании (ст. 242 УК), Швейцарии (ст. 140 УК), Италии (ст. 628 УК) и других стран [12; 17]. Усеченный же состав разбоя сохранился в основном в бывших республиках СССР, где и по настоящее время разбой считается оконченным с момента нападения.

Вместе с тем следует напомнить, что и в дореволюционном уголовном праве разбой как форма похищения признавался материальным составом. Именно к середине XIX в. российский законодатель

изменил свои представления об общественной опасности разбоя (в разное время это были наезд, грабёж [4, с. 20; 5, с. 164–165]) и стал его рассматривать как посягательство на личность, а не на имущество. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., а также Уголовное уложение 1903 г. признавали разбой оконченным преступлением с момента утраты владения потерпевшим и переходом имущества во владение виновного [6, с. 43]. Если же лицо намеревалось завладеть имуществом и прибегало или пыталось прибегнуть к насилию (физическому или психическому), то такого рода деяния рассматривались как наказуемое покушение.

Идея признания разбоя усеченным составом преступления – плод советского законодателя, который, рассматривая разбой как агрессивное действие, всегда делал упор на цель хищения имущества, то есть не на преступный результат, и даже не на процесс, а на намерение. Таким образом, сегодня разбой – это особая форма хищения, не соединенная с нарушением права собственности, а лишь преследующая цель хищения чужого имущества. Иначе говоря, при разбое преступное деяние считается завершенным не с момента завладения имуществом, а с момента применения насилия к личности потерпевшего. Правомерно ли в данном случае в главе УК о преступлениях против собственности на передний план ставить личность (человека), а не его имущество? Безусловно, да, но тогда и состав этот (разбой) должен размещаться в иной главе УК, а поскольку такого не происходит, то и научные представления о разбое должны быть подвергнуты ревизии. Признавать же разбой оконченным, когда по сути своей корыстное посягательство еще не завершено, – значит игнорировать социальную и психологическую сущность этого преступления, где насилие является элементом мотивации, а не просто средством достижения криминальной цели.

Отсюда вытекает и вторая посылка: законодательное описание состава разбоя не должно иметь принципиальных отличий от характеристики других форм хищения. А раз так, то и момент окончания разбоя должен быть связан с реальной возможностью пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом виновным лицом. Однако проблема не только в форме, но и в содержании рассматриваемого явления. Безусловно, вред, причиненный жизни и здоровью потерпевшего, должен служить критерием усиления уголовно-правовой защиты [21, с. 35], но использование в этом качестве момента окончания состава разбоя не столько защищает потерпевшего, сколько порождает проблемы как в теории, так и на практике.

Библиографические ссылки

1. Ахметсафин, Ш.Ш. О недостатках определения формы хищения – разбоя в ныне действующем УК РФ / Ш.Ш. Ахметсафин // Вестн. ТИСБИ. 2001. № 4.
2. Владимиров, В.А. Квалификация похищений личного имущества / В.А. Владимиров. М. : Юрид. лит., 1974.
3. Владимиров, В.А. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. М. : Юрид. лит., 1986.
4. Вьюнов, В.М. Становление состава разбоя в российском уголовном праве / В.М. Вьюнов // Сибир. Юрид. Вестн. 2002. № 3.
5. Доўнар, Т.І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крмінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. Мінск, 2000.
6. Елисеев, С.А. Преступления против собственности по Уголовному уложению 1903 г. / С.А. Елисеев // Сибир. Юрид. Вестн. 2001. № 4.
7. Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. М. : Проспект, 2006.
8. Иванцова, Н. Разбой – насильственное хищение чужого имущества / Н. Иванцова // Уголов. право. 2003. № 2.
9. Клепицкий, И.А. Имущественные преступления (сравнительно-правовой аспект) / И.А. Клепицкий // Законодательство. 2000. № 2.
10. Коробов, П. Разбой как типичная форма хищения / П. Коробов // Уголов. право. 2006. № 1.
11. Он же. Некоторые вопросы совершенствования норм об ответственности за преступления против собственности и за должностные преступления / П.В. Коробов // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия : сб. науч. тр. Саратов, 2005.
12. Кочои, С.М. Уголовное законодательство России и зарубежных государств о посягательствах на собственность / С.М. Кочои. М. : Проспект, 2006.
13. Кригер, Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества / Г.А. Кригер. М. : Юрид. лит., 1974.
14. Матышевский, П.С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР / П.С. Матышевский. Киев, 1972.
15. Набатова, А.Э. Использование криминалистической алгоритмизации и программирования при расследовании разбоев : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2006.
16. Никитин, Е.В. Корыстно-насильственные преступления против собственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Никитин. Омск, 2002.
17. Решетников, Ф.М. Буржуазное уголовное право – орудие защиты частной собственности / Ф.М. Решетников. М. : Юрид. лит., 1982.
18. Севрюков, А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.П. Севрюков. М. : Экзамен, 2004.
19. Тенчов, Э.С. Квалификация преступлений против социалистической собственности / Э.С. Тенчов. Иваново, 1981.

20. Тишкевич, И.С. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность / И.С. Тишкевич. Минск, 1984.
 21. Успенский, А. О недостатках определений некоторых форм хищения в новом УК / А. Успенский // Законность. 1997. № 2.
 22. Хижняк, Д. Понятие грабежей и разбойных нападений в США / Д. Хижняк // Законность. 2002. № 4.
 23. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. СПб., 1907.
-